

Основная же часть материала свидетельствует о принадлежности дворянам Гневашовым (они упоминаются в челобитной Петру Первому, вычерчено их родословное древо и т. д.), затем — Ф. Е. Евровской, видимо урожденной Гневашовой или во всяком случае состоявшей с ними в родстве (недаром схема «рода Гневашовых» изображена на обороте записки князя В. Ухтомского, адресованной Ф. Е. Евровской). Этот архив в начале прошлого столетия был, вероятно, как-то упорядочен, почему и появилась запись на л. 114 об.: «Разные писма, рецепты и стихи». Однако впоследствии он был частично утрачен и перепутан (впрочем, некоторые бумаги попали сюда уже во второй половине XIX в., например молитва на лл. 35—40 об., написанная на бумаге со штемпелем фабрики наследников Сумкина, № 7, если только она не попала в рукопись случайно, при переплете). Песенник, в сохранившейся части которого читается наша скоморошина, также, по всей видимости, был собственностью какого-то дворянина (вряд ли представитель «подлого» сословия мог свободно ориентироваться в русской транслитерации польских песен; замечу кстати, что транслитерация выполнена с незаурядным знанием дела).

Сюжеты, организующим моментом которых выступают чернецы или черницы, достаточно распространены в русском устнопоэтическом творчестве.² Характерно, что в песнях такого рода обычно присутствует любовный мотив, иногда приобретающий фривольный и даже скабрезный оттенок. В песне «Как пошел наш чернец погуляти» (равно как и в ее вариантах — «Как во городе, во городе во Казани», «Сдуй-ной, во Казани» и проч.) «черночища», который «понадвинул колпак» при встрече со «старыми бабами», «посодвинул» его при встрече с «молодцами», — увидев «красных девок», «колпачину долой сбросил».

Другая очень частая в песнях о чернецах и черницах тема — жалобы на «распроклятое тако наше монашеско житье». В обоих случаях мы встречаемся с ярко выраженным антиклерикализмом, который реализуется либо в прямой жалобе лишенного мирских радостей монаха (или монахини), либо опосредованно — в картине буйного монашеского разгула. Последнее характерно и для нашей скоморошины, создающей образ веселого бродяги-чернеца, чем-то напоминающего пушкинского Варлаама.

Текст ее построен по принципу параллелизма: всякий первый стих в строфе — это «милостина» в прямом смысле слова, второй же — «милостина» в переносном значении, то, чего добивается от черниц гуляк-монах. Обе эти линии — отнюдь не простой перечень. Подобно тому как выносимая из женской обители «милостина» становится все более лакомой, чернец выдвигает требования все более дерзкие и решительные. Это нарастание не всегда четко выдержано в обоих планах. В частности, 2-я, 3-я и 4-я строфы образуют несколько статичную группу. Равноценные «милостины» и требования производят впечатление неоправданной заминки, сюжетной остановки. Подобные отступления есть и в других частях текста. Однако общий принцип — параллельное нарастание в обеих линиях — прослеживается совершенно отчетливо, доводя скоморошину до логического завершения.

Текст скоморошины о чернеце печатается по правилам ТОДРЛ.

² См.: Великорусские народные песни. Изданы ... А. И. Соболевским, СПб., 1902, т. VII, №№ 338—343, 345—351 и др.; В. Ф. Трутовский. Собрание русских простых песен с нотами. М., 1953, № 43; Н. А. Львов, И. Прач. Собрание русских народных песен... М., 1955, № 76 и др.